

Заключительное слово докладчиков

С.Г. Кара-Мурза

В своем выступлении С.С. Сулакшин предложил принять систему целей: взять *счастье* как целевую функцию социализма, а рядом написать вторую цель — *жизнеспособность*. Я думаю, что можно взять как целевую функцию счастье, как цель — его максимизацию, а жизнеспособность принять как ограничение. Мы ставим целью достижение возможно более высокого уровня счастья для возможно большего числа людей — при условии гарантированной жизнеспособности (страны, общества, народа). Это у части общества вызывало недовольство. Отказ от советского строя означал ликвидацию этого ограничения.

А.В. Бузгалин сказал, что он разделил два доклада по такому принципу: в одном была проблема пространства и времени как проекта, а в другом — только описание реальности. Это неправильно. В моем докладе было сказано: *российский советский проект*. Таким образом, уже в названии указано и пространство, и время.

Здесь говорили, как важно читать Бернштейна, Каутского или Лаврова. Согласен, ученье свет, а неученье — тьма. Но я считаю меньшим злом не доскональное изучение этих авторов в ущерб пониманию того массивного процесса, который происходил у нас, а изучение этого массивного процесса с учетом относящихся к делу суждений этих авторов — в ущерб эрудиции.

Я всегда говорил «русский коммунизм», чтобы не путали с «правильным марксистским». В ходе дискуссии отмечалось, что никакого советского проекта не было, «работали, как говорится, прямо с колес». Это неверно. Он вызревал очень долго. Откуда появились декреты советской власти? Откуда появилась идея национализации земли? Они появились из того проекта, который вынашивался в течение примерно 30–

40 лет. Уже в «Письмах из деревни» Энгельгардта видно, как в крестьянской общине вырабатывалось, перекристаллизовывалось представление о благой жизни, а потом оно излагалось эпическим стилем в виде наказов и приговоров, а уже из них эти представления брали эсеры и большевики. Откуда взялось «Зеркало русской революции», если не было проекта? Разве Толстой эти крестьянские чаяния из пальца высосал? Он это взял из гущи крестьянского мировоззрения.

Относительно плана в советском хозяйстве. План — это не подсчет болтиков («В принципе, в плановом хозяйстве СССР надо было согласовывать каждый внеплановый болтик»). На самом деле, план представлял собой нечто совершенно другое, а вот на уровне каждого болтика — разное бывало. План — это способ согласования интересов, похожий на то, как это происходит в семейном хозяйстве. Отличие плана от рынка в том, что при рынке ресурсы *обмениваются* и *покупаются*, а при плане они *соединяются*. Поэтому после войны можно было за три года восстановить промышленность, т. к. ресурсы не продавались и не покупались, а соединялись при помощи плана. А чтобы купить их — таких денег в СССР не было. Это большая разница.

Теперь что касается антропологии. В 20-минутном докладе невозможно представить все ипостаси человека. Не увидели в советском человеке *гражданина* — и это называют умолчанием. А эту сторону дела просто не вставили в доклад — ни к чему это было. М.В. Ремизов говорит: «Сергей Георгиевич противопоставляет человека общинного и индивидуалиста, человека общественного». Вот уж нет. Общинность отрицает индивидуализм (как самоосознание), но вовсе не общественность. Ведь традиционное общество мы имеем уже в очень модифицированной, модернизированной форме. Только на общинности не могло бы консолидироваться городское индустриальное общество СССР (или Японии).

Тем не менее, в глубине — не на уровне расхожих суждений, а на уровне чаяний — сохранились эти представления

о человеке. Пока что нет примера традиционного общества, кроме Западной Европы, которое превратилось бы в современное, гражданское либеральное общество. И российское общество не превратилось. Те, кто ездит в метро, это знают.

«Все, что не укладывается в шаблон либерально-демократической идеологии, мы отгесняем в прошлое и называем "традиционным обществом"». В связи с этим я не согласен с определением советского общества как традиционного, данного обоими докладчиками. Главная черта модерна — это понимание жизни, мира и общества как проекта», — сказал в своем выступлении М.В. Ремизов. Пусть так считает, хотя понимать жизнь и мир как проект — вовсе не исключительная черта модерна. Средневековье едва ли не больше было этим озабочено, а уж о Ренессансе с великими географическими открытиями и говорить нечего. Хотя, конечно, проекты разные бывают.

А.Н. Окара отметил, что коммунизм был проектом архаического общества. В докладе я специально несколько раз подчеркивал, что это был синтез общинного крестьянского коммунизма с идеалами Просвещения, которые привнесли марксисты из социалистической мысли.

К сожалению, никакого интереса не проявлено к опыту русского коммунизма и социализма в создании социальных форм и к оценке этого опыта с точки зрения возможностей его развития в условиях кризиса в России.

В.М. Межуев

Я не политолог, не историк, в том числе и не историк социализма, не социолог. Я философ. А философ — это специалист по идеям. Меня интересует социализм не как движение или партия, не как существовавшая у нас и еще кое-где существующая реальность, а как идея, причем в том ее виде, в каком она существует преимущественно в текстах Маркса.

Почему именно Маркса, а не какого-то другого мыслителя? Ведь Маркс — не единственный теоретик социализма. Многие социалисты у нас и на Западе не видят в Марксе своего предшественника и тем более учителя. Вот и первый докладчик апеллировал преимущественно не к Марксу, а к русской общественно-религиозной мысли с ее прославлением общинности и соборности.

Действительно существует много версий социализма, но меня интересует только та, которая служила доказательством социалистической природы созданного у нас общественно-политического строя и которая в своем истоке приписывалась исключительно Марксу. И Ленин ссылался не на народников и славянофилов, а на Маркса; и Сталин считал Ленина верным учеником Маркса. Свой социализм мы прямо выводили из Маркса. Но Маркс, как я думаю, никогда не признал бы в построенном у нас обществе реальное воплощение своей идеи. Его понимание социализма и коммунизма не имело ничего общего с тем, что у нас получилось на практике и далеко расходилось с так называемым «реальным социализмом». Вот об этом я и хотел сказать в своем докладе в первую очередь.

Отсюда не следует, что Маркс был во всем прав, что его понимание социализма может быть принято сегодня без всякой существенной корректировки. Я очень далек от такого мнения. Но слабости и недостатки марксовской теории лучше видны с позиции все же не того общества, которое было построено у нас, а того, которое сформировалось на современном Западе. С другой стороны, не надо выдавать нашу историческую отсталость за историческую добродетель, усматривать в ней зачатки какого-то другого — русского — социализма, который способен противостоять капиталистическому Западу. Истина социализма все же не позади, а впереди капитализма.

В чем нельзя отказать социалистической идее — так это в попытке найти противоядие от капитализма не в прошлом, а в будущем, не в общинно-патриархальном строе, не в русской

набожности и старине, а в обществе, основой существования которого является свободная индивидуальность, владеющая всем богатством культуры. Если не культура в ее высших образцах, то что еще может заменить собой рыночные и чисто властные формы объединения людей? И я не знаю никакой иной идеи, кроме социалистической, которая содержала бы в себе ответ на этот вопрос.